

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 41-1, Is. 3-1, pp. 1053-1064, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(47)

Essays on Historical Optimism

Aleksandr A. Cherkasov^{a, *}

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation

Abstract

The article summarizes the debates that unfolded at a round table on Boris Mironov's three-volume "Russian Empire." The author notes that the experts approved the generalizing nature of the research and its keen academic polemics and relevance, and highlighted the magnitude of the work, as well as the encyclopedic character of the research through source study and theoretical, factual, and historiographical coverage of the material. According to A.A. Cherkasov, the round table clearly showed that the Marxist approach has lost not only the monopoly and popularity, but also the trust of the majority of researchers. The concept of civilization has aroused considerable skepticism. The theory of modernization received universal recognition from the participants. They unanimously evaluate it as pragmatic and workable, and they consider that its application is a trend in modern national historiography and note the topicality, importance, relevance, and validity of its choice for an explanatory model of Russian history by the domestic historical community.

The author notes the existence of a wide consensus among those participating in the discussion. They unanimously agreed that Russia is a normal world power, the vector of its development is European, its achievements and successes in the field of modernization are undeniable, but undervalued and often completely ignored. The discussants acknowledged that Boris Mironov was able to reconstruct the main modernizing trends of the country's history objectively and convincingly and to discredit the persistent negative myths and to create an objectively positive image of Russia. Thus, the "Russian Empire" contains neither falsifications nor simplistic positive or negative assessment and conclusions. The consensus suggests that a new objective-positive paradigm of the history of imperial Russia has taken shape in Russian historiography.

Keywords: round table; modern Russian historiography; the features of Russian modernization; the image of Russia; the new objective-positive paradigm in the history of imperial Russia; historical optimism; the decline of influence of the Marxist conception; multi-conception approach; methodology of research; "cliotherapia".

В заключение кратко резюмируем сказанное на круглом столе как по обсуждаемой книге Б.Н. Миронова, так и относительно состояния современной отечественной историографии (Миронов, 2013; Миронов, 2014; Миронов, 2015а; Миронов, 2015б).

Эксперты подчеркнули и одобрили обобщающий характер исследования, острый академический полемизм, актуальность – книга находится «на острие самых современных тенденций в историографии» (Л.М. Артамонова); «четко проработаны многие сюжеты,

* Corresponding author

E-mail addresses: sochio03@rambler.ru (A.A. Cherkasov)

которые вызвали научные и общественные дискуссии в последние 40 лет и интересуют нынешнее молодое поколение» (Г.Н. Ульянова).

В качестве важной особенности трехтомника была отмечена опора на отечественную и зарубежную историографию, которая используется автором не только для показа сложившихся в науке подходов к изучению рассматриваемых проблем, но и для формирования информационной базы исследования (Л.Н. Мазур, И.В. Поткина). Артамонова констатировала, что автор «широко использует работы, подготовленные многочисленными исследователями в разных городах, по разнообразным поводам, в виде публикаций, отличающихся и по формам, и по объему. Привлекая труды ученых из регионов и тех, кто занимается локальными проблемами, автор избавляется от кривого зеркала, отражающего историю страны только под углом зрения из столиц».

По мнению Н.Б. Селунской, в «Российской империи...» «иногда явно, а часто имплицитно присутствует, проступает и ощущается связь его подхода с отечественной традицией исторического объяснения», в частности своеобразное «преемство» с интерпретацией С.М. Соловьевым проблемы темпов исторического развития России и Запада через концепт «задержки», далеко не тождественный понятию «отсталости». При структурировании содержания Б.Н. Миронов выделял те значимые для объяснения российской истории избранного им периода факторы, феномены, институты и структуры (колонизация, крепостное право, семья, община, государство, право и суд), которые в отечественной историографии всегда считались принципиально важными, в контексте которых формировалась и развивалась традиция объяснения российской истории в отечественной историографии.

Все участники отметили в разных выражениях масштабность проделанной работы – «колоссальность», «фантастичность»; работа, «посильная большому коллективу» (Л.М. Артамонова). «Трехтомная монография по своему итоговому результату и вкладу в гуманитарные науки соизмерима с работой большого коллектива исследователей, многие годы совместно работающих по единому плану. Но если сами авторы коллективных монографий зачастую не без иронии называют такие плоды собственного труда “братскими могилами” (книги фактически умирают для читающей публики сразу же после выхода из стен типографии), то грандиозный труд Миронова – это жизнеспособный организм, который будет жить своей жизнью и сумеет сам за себя постоять» (С.А. Экштут).

Вызвали одобрение широта проблематики и «энциклопедический характер» исследования по теоретическому, фактографическому, источниковедческому и историографическому охвату материала. «Пожалуй, нет ни одной важной проблемы, которую бы автор обошел вниманием. Все три тома написаны, что называется, на совесть и представляют добротную сделанную работу профессионального историка» (Ю.В. Веселов). Эксперты отметили, что научная позиция излагается хорошим языком, четко, ясно, аргументировано и не допускает двояких толкований; публицистические размышления ставят имперскую Россию в широкий исторический контекст (Г.Н. Ульянова). Пониманию авторской концепции помогают многочисленные и хорошо подобранные иллюстрации. Участникам круглого стола понравилась навигация книги, которая в таком качестве, как в трехтомнике, действительно редко встречается в современных исторических трудах: именной и предметный указатели, списки таблиц и иллюстраций, помогающие ориентироваться в огромном материале. Похвалили «обширнейшую библиографию». По общему мнению, эти особенности авторского стиля будут способствовать привлечению внимания широкой публики к истории России.

Богатство материала, заключенного в книге, не позволило в рамках одной дискуссии охватить с одинаковой подробностью все проблемы и сюжеты, затронутые автором. Дискуссанты сосредоточились на таких вопросах, как методология и источники, особенности российской модернизации, русская культура, человеческий капитал, клиотерапия, коллективные представления, колонизация, этноконфессиональная политика, крепостное право, социальная структура, дворянское сословное самоуправление, гражданское общество, государство, историческая психология, эффективность управления. Меньше были затронуты такие сюжеты, как географический и демографический детерминизм, социальная мобильность, стратификация и уровень неравенства, крестьянская и городская община, самоуправление, коррупция, политическая пропаганда и пиар, трудовая этика, уровень жизни, преступность, право и суд, демографическая

модернизация, семья и внутрисемейные отношения, урбанизация, бюрократия, общественное мнение.

Неожиданным для организаторов дискуссии стал интерес участников круглого стола к методологии, обсуждать которую историки обычно не имеют большой охоты. Из-за опасения, что эта проблема останется не отмеченной, в приглашении на круглый стол была выражена просьба обратить на методологию внимание. На просьбу горячо откликнулись. Почти исключительно методологии посвятили свои выступления Л.Н. Мазур, И.В. Побережников и Н.Б. Селунская, много места отвели ей С.В. Куликов, А.Б. Лярский, И.В. Поткина и В.Г. Хорос, а все остальные дискуссанты так или иначе касались этой проблемы. Дискуссанты дружно выразили озабоченность тем, что в профессиональном историческом сообществе получило распространение отрицание значения исторического синтеза и исторического объяснения, девальвация теорий, создающих основу объяснительных моделей исторического процесса. Причинами этой «тревожной тенденции» в развитии современной отечественной историографии называются увлечение локальной историей, микроисторией, исследованиями повседневной жизни под влиянием так называемого «постмодернистского вызова», «лингвистического поворота» и «антропологического поворота» в истории. Как выразился И.В. Побережников, «антропологический акцент способствовал миниатюризации методов и масштабов исследования». Почувствовав этот перекосяк, Б.Н. Миронов уделил этому вопросу много внимания, что вызвало горячий положительный отклик. По мнению И.В. Поткиной, автор книги «подходит к этим вопросам и серьезно, и творчески, и, как всегда, оригинально. Он не просто отводит особый вводный раздел, в котором рассматриваются основные теоретико-методологические подходы к изучению исторического прошлого, но и достаточно убедительно и аргументированно показывает эффективность того или иного метода в решении исследовательских задач».

Столь пристальный интерес к проблеме методологии объясняется, на наш взгляд, ее актуальностью. Создается впечатление, что отечественная историография насытилась микроисследованиями, особенно касающимися повседневной жизни, и коллегам захотелось концептуальных обобщений, широких и монументальных картин по российской истории. Интерес к «большой» истории, к макроуровневым историческим обобщениям повысился и в мировой историографии, что, как отмечает И.В. Побережников, «является естественным ответом на последствия глобализации, проявляющей себя во многих измерениях, на очевидную недостаточность и односторонность исследований, сфокусированных только на микромасштаб». Обсуждаемая книга и дискуссия по методологическим вопросам находятся в этом тренде.

В споре вокруг вопроса о значении эмпирических (конкретно-исторических) и аналитических (аналитических обобщающих) трудов (С.В. Куликов, А.Б. Лярский, Л.Н. Мазур, Б.Н. Миронов) восторжествовала золотая середина – это разные типы исследований, и они имеют одинаковую ценность. Их нельзя противопоставлять не только в том смысле, что они решают разные задачи – описание и выявление закономерностей, но и в том смысле, что обе стратегии анализа данных могут применяться в одном исследовании на разных его этапах.

В этом же ключе проходила дискуссия о целесообразности микро- и макроисследований, количественного и качественного анализа. В большинстве случаев историков, как бы по умолчанию, интересуют в первую очередь и преимущественно индивидуальное, своеобразное, конкретное, и они предпочитают качественный анализ. Автора трехтомника больше занимают закономерное и тенденции, поэтому его анализ всегда имеет количественную составляющую. Таким образом, мы имеем старый спор о преимуществах идеографического метода познания, основанного на акцентировании единичности и неповторимости каждого из реальных явлений, процессов и событий, и номотетического метода, имеющего целью установление в событиях, явлениях и процессах общего (сходного, родственного), которое рассматривается как их закон или закономерность. Здесь тоже достигнут компромисс – нужно сочетать разные виды анализа. Но остается серьезная проблема, состоящая в том, что эти стратегии различаются в целях, методологии и вследствие этого нередко дают противоречивые результаты. Макроуровень выявляет тенденцию развития в социуме или большой группе, микроуровень – ее индивидуальную реализацию. На макроуровне не видно деталей и потому надо быть готовым к их недооценке; на микроуровне не видно тенденций и, если они не обнаружены,

пенять на это не следует. Макроуровень и микроуровень одной исторической реальности по-разному изучаются, и результаты их правильного анализа не во всем совпадают; более того, часто выглядят на первый взгляд противоречащими друг другу. В идеале нужен и макроанализ и микроанализ (Репина, 2011: 163–176). Однако в одном исследовании идеал реализовать вряд ли возможно. Следует согласиться с Б.Н. Мироновым в том, что для проверки одного полноценного и масштабного макроисследования надо провести не одно микроисследование (как некоторые думают), а два-три десятка, а может быть, и больше. Представим в таком случае, что было бы, если бы автор стал проводить в «Российской империи...» еще и микроанализ. Сколько бы томов надо было еще написать и успел бы он завершить этот труд за свою жизнь?!

Общее признание участников круглого стола получила теория модернизации и, наоборот, известный скепсис вызвала модная ныне цивилизационная концепция. Дискуссанты приветствовали использование Б.Н. Мироновым теории модернизации, так как считают ее прагматичной и работоспособной при изучении исторической динамики, особенно имперской России. Эксперты полагают, что применение модернизационной концепции является тенденцией в современной отечественной историографии, и отмечают актуальность, востребованность, адекватность и мотивированность ее выбора российским историческим сообществом в качестве объяснительной модели национальной истории. Участники круглого стола считают, что автору трехтомника удалось реконструировать главный модернизационный тренд в истории России имперского периода. Тренд, говоря словами Н.Б. Селунской, выражается в «переходе от империи “старого порядка” к “современной” империи, от полицентричной и дифференцированной политической системы к более централизованному и бюрократизированному государству, которое через элиты проводило политику унификации в области экономики, языка и культуры». При анализе российского опыта И.В. Побережников справедливо призвал учесть, что в современной теории модернизации подвергаются переоценке понятия «отсталость», «норма», «успех»; высокие темпы культурных, социальных, политических изменений не так однозначно, как в классической теории, оцениваются как достижение, а прочность правительств, образа жизни, системы ценностей, наоборот, не воспринимаются непременно негативно. Возможность различных путей перехода от традиционного к современному обществу, национальное своеобразие трактуется, скорее, как достоинство, более того – как условие «нормальности», поскольку традиции нередко играют роль ускорителя процессов развития и всегда роль общественного стабилизатора. Это очень ценное предложение: с учетом его российская имперская модернизация выглядит тем более нормальной и успешной (Хильдермайер, 2002).

Участники круглого стола отметили в качестве основной характеристики обсуждаемой книги ее принципиальную междисциплинарность и использование разнообразных исследовательских стратегий. Этнограф И.И. Верняев констатировал: «Автор синтезирует подходы социальной, экономической, политической, визуальной истории, социальной антропологии, исторической демографии, социологии, политологии и психологии. Преодоление дисциплинарных границ, множественность подходов, методов и проекций позволило исследователю создать масштабную, многомерную, динамическую модель истории Российской империи, ее движения от традиции к модерну в демографическом, экономическом, социальном, правовом, культурном и ментально-психологическом аспектах». Социолог Ю.В. Веселов подчеркнул интерес социологов к работам Б.Н. Миронова: «Социологи весьма высоко оценивают его работы по социальной истории России, в частности к ним часто обращаются студенты, магистранты и аспиранты, специализирующиеся в области экономической социологии».

Хочется отметить, что «Российская империя...» наглядно демонстрирует, что *по-настоящему аналитическое обобщающее исследование не может не быть междисциплинарным*. Чтобы выявить закономерности и тенденции, бесполезно механически суммировать массу данных, их нужно осмыслить в рамках каких-нибудь социальных (социологических, политологических, психологических и других) теорий и концепций, которыми бедна наша историография. А это неизбежно требует междисциплинарности (Репина, 2011: 25–60).

Дискуссия со всей очевидностью показала, что большинство отечественного сообщества настолько пресытилось монополией какой-нибудь методологии, в том числе марксистской, что всеобщую поддержку получил методологический плюрализм, или

интегральная методология, использованная автором. Она основана на аналитико-экспериментальной переработке различных объяснительных концепций (формационной, цивилизационной, модернизационной, мир-системной, институциональной и синергетической, а также постмодернизма). Участникам круглого стола также импонируют и другие черты творческого стиля автора «Российской империи...»: (а) прагматический взгляд на концепции как на взаимодополняемые специфические подходы, задающие программу и гипотезы исследования, а также определенный ракурс анализа фактического материала; (б) опора на неклассическую модель исторического исследования, ориентированную на синтез социальной, культурной, экономической, политической истории, социально-исторической антропологии, исторической социологии, исторической психологии, междисциплинарный подход, макро- и микроанализ; (в) изучение исторических изменений в перспективе длинной, средней и короткой темпоральности; (г) предпочтение системному видению, дающему общую картину; (д) дистанцирование от европоцентризма, прямолинейности, партийности при изучении преобразовательных процессов в стране, оценка их в том числе с точки зрения соответствия экономическим, социальным, психологическим и прочим возможностям и потребностям российского общества; (е) видение российского исторического процесса как поступательного и нормального.

Участники круглого стола высоко оценили широкое использование Б.Н. Мироновым сравнительно-исторического подхода, который позволил найти место российским институтам в европейском контексте и место имперских институтов в перспективе российской истории. Как выразился А.Б. Лярский: «Автор постоянно преодолевает локальность отечественной истории, проводя сравнение с европейскими странами; кроме того, его исследование демонстрирует, как подмеченные им закономерности и свойства процесса модернизации реализовались за хронологическими рамками имперского периода. Это дает монографии не часто встречающуюся перспективу, позволяющую читателю осознать, что история – это не наука о прошлом, а наука о самом что ни на есть настоящем, если мы хотим это настоящее понимать». И.И. Верняев подчеркнул, что проделанный анализ российских имперских технологий интеграции и модернизации обществ и институтов традиционного типа, процессов их успешного и неуспешного реформирования в свою очередь открывает широкие возможности для проведения межстрановых и межрегиональных сравнительных исследований.

Как показал круглый стол, марксистский подход потерял не только монополию, популярность, но и доверие у большинства исследователей. В этом отношении показательна дискуссия между Б.Н. Мироновым и Н.Б. Селунской, упрекнувшей его в недооценке значения марксистской парадигмы. По мнению первого, его негативное отношение к ней определяется прежде всего тем, что советским историкам не удалось объяснить основные тенденции развития имперской России. И с этим нельзя не согласиться. Центральная идея марксизма о несоответствии производительных сил и производственных отношений как движущей силе исторического развития эмпирически не подтвердилась. Русская революция 1917 г. не имела объективных предпосылок в марксистском смысле. Обнищание народа ни до, ни после Великих реформ не наблюдалось. Не революционное движение, а верховная власть и правящий класс являлись двигателями прогресса в городе и деревне. В течение двух столетий, XVIII–XIX вв., в стране не возникало революционных ситуаций; реформы происходили «по манию царя». Классовая борьба не являлась доминирующей формой социальных конфликтов применительно к России. Правильнее говорить о конфликте групповых, а не классовых интересов, о чем свидетельствуют отнюдь не классовые разногласия между партиями (например, левые кадеты и правые социалисты по ряду вопросов были ближе друг к другу, чем большевики и меньшевики) и социальный состав основных партий. «Застрельщиком» революции являлся не пролетариат, а интеллигенция. «Гегемония пролетариата», т. е. руководство трудящимися со стороны рабочего класса, не подтвердилась практикой борьбы. Интеллигенция находилась в авангарде протестных движений и руководила всеми партиями – крестьянскими, рабочими, буржуазными, монархическими. Социальную базу правой монархической партии составляли крестьяне и деклассированные элементы города, а руководили ею дворяне и интеллигенты. Эти выводы автора не вызвали возражений.

Методология не предопределяет результаты исследования, если оно проводится корректно, с соблюдением принципов научного анализа – если выводы не подгоняются под

готовую теоретическую схему. Неудача марксистской концепции адекватно объяснить развитие имперской России обуславливается в значительной степени тем, что в советских исследованиях концепция была упрощена, абсолютизирована, превращена в общую схему общечеловеческого развития и являлась монопольной и аксиоматической. Марксистские историки на Западе, свободные от идеологического диктата, выполнили работы, которые до сих пор высоко ценятся в мировой историографии. В Италии, Франции и особенно Великобритании работало и работает много видных марксистских историков, причем не в одиночку, а коллективно, со своими журналами, в рамках влиятельных школ, предлагающих марксистскую интерпретацию истории, но не принимающих марксизм как политическую идеологию. Например, хорошо известна в мировой историографии респектабельная группа британских историков: Морис Добб, Виктор Кернан, Лесли Мортон, Георг Рюде, Д. Савилье, Рафаэль Самьюэль, Эдвард Томпсон, Кристофер Хилл, Родни Хилтон, Эрик Хобсбаум и др. (Hobsbawm, 1978), некоторые переведены на русский язык (Рюде, 1984; Томпсон, 1996; Хобсбаум, 1998; Хобсбаум, 1999a; Хобсбаум, 1999b; Хобсбаум, 1999c; Хобсбаум, 2004; и др.)

Надо также признать, что те или иные марксистские идеи были усвоены практически всеми концепциями, в том числе модернизационной, мир-системной, синергетической, постмодернистской, институциональной, что создало основание для интеграции методологических подходов. Поэтому рано, да и не нужно хоронить марксизм. Кстати, в современной российской историографии он имеет более глубокие корни и не изжит еще в той мере, как может показаться по материалам нашей дискуссии, о чем справедливо напомнил С.В. Куликов, указав на имплицитную приверженность многих современных исследователей марксизму.

Жаркие споры произошли по вопросам исторического оптимизма и клиотерапии, в отношении к которым обозначились три позиции: позитивная (С.В. Куликов, Ю.Н. Смирнов, Г.Н. Ульянова, В.Л. Хорос), скептическая (Л.Н. Мазур, А.Б. Ляровский, В.В. Керов) и нейтральная. Половина экспертов прямо на этом вопросе не останавливались. Однако, поскольку они в целом высоко оценили книгу, которую можно назвать *очерками исторического оптимизма*, не будет натяжкой сказать, что к клиотерапии они относятся скорее всего положительно или во всяком случае нейтрально.

Заслуживает особого внимания отношение американских историков к идее клиотерапии. У. Сандерленд не увидел в ней никакой опасности для исторической науки. Он полагает, что нет ничего непременно неправильного в этом подходе. Любой историк делает выбор относительно того, что исследовать, а что нет. Ключевой момент каждой исторической работы – целостность метода и его пригодность при анализе избранных проблем. Цель Миронова – создание у россиян более адекватного исторического образа имперской России, поскольку, по его мнению, существующий в массовом сознании граждан образ страны, созданный несколькими поколениями отечественных историков, является чрезмерно негативным, не соответствует действительности и потому нуждается в изменении. Отсюда потребность в клиотерапии, которую Б.Н. Миронов описывает как более взвешенный исторический подход к истории России, учитывающий не только ее провалы, но и успехи. Создавая объективно-позитивный образ, историки, по мнению Миронова, играют роль социальных врачей, заряжающих общество положительной энергией и помогающих преодолевать трудности. К. Воробец, не только поддержала исторический оптимизм книги, но даже считает, что ее автор преуменьшил позитивные сдвиги в массовом сознании и менталитете русского крестьянства и потому недооценил и общий прогресс деревни в позднимперский период. Оба исследователя достаточно позитивно оценивают развитие имперской России, что свидетельствует о сдвиге во взглядах зарубежных славистов, о чем писал в книге и Б.Н. Миронов (Миронов, 2014: 90–93). И этому не стоит удивляться. В американской историографии доминирует оптимистический взгляд на прошлое и будущее США, и американские историки считают естественным, что российские историки аналогичным образом относятся к своей национальной истории (Миронов, 2014: 18–20). Поэтому работы Б.Н. Миронова встречают признание и в зарубежной историографии, о чем свидетельствуют многочисленные публикации его работ (Mironov, 1985; Mironov, 1993; Mironov, 1999; Mironov, 2000a; Mironov, 2000b; Mironov, 2012; и др.).

Сторонники объективно-позитивной ориентации считают, что в трехтомнике «удалось представить историю Российской империи в новом, оптимистическом ракурсе, по-новому осветить уже известные сюжеты, обоснованно устранить многие стереотипы, до сих пор еще

влияющие на восприятие периода империи как специалистами, так и непрофессиональными историками» (С.В. Куликов). Интересно, что позицию большинства участников круглого стола разделяют акад. В.А. Тишков, которому близок «“нормально-оптимистический” взгляд на историческую эволюцию» (Тишков, 2011: 4), и акад. А.О. Чубарьян, который даже XX век назвал «“нормальным” периодом в мировой истории и предположил, что XXI век станет “веком нового синтеза”, который будет пронизывать различные сферы общественной жизни» (Чубарьян, 2009: 21–22).

Скептики упрекают автора книги в «государственно-оптимистической» тональности и излишнем оптимизме. Ясно и четко их позицию выразила Л.Н. Мазур: «Стремление автора... сформировать позитивный образ имперской истории можно считать вполне реализованным, но это имеет весьма неоднозначные последствия... Борьась против сложившихся в историографии мифов... автор создает... миф “достижений”. <...> В результате мы получаем вариант “рационального” мифа, обращенного не только к чувствам, но и к разуму читателя». (Заметим, что в данном случае под мифом у Б.Н. Миронова имеются в виду не новые фальсификации, а новые интерпретации, которые захватывают массовое сознание.) Однако не всех представителей профессионального исторического сообщества «устраивают упрощенно “позитивные” или “негативные” выводы, поскольку сама по себе природа исторических процессов, а тем более переходных периодов очень сложна и многогранна».

Разбирая возражения оппонентов, Б.Н. Миронов обнаружил, что главный источник их скептицизма состоит в подмене научной оценки моральной оценкой или в смешении моральной и научной оценок результатов, полученных в исследовании. Между тем в книге последовательно проводится *научное функционалистское объяснение* существовавших в России институтов, процессов, явления, а также правительственной политики – и автор пытается объяснить, не только *как*, но и *почему* они существовали и изменялись. Автор убирает из анализа морализирование, четко отделяет научные оценки от моральных, можно сказать, соблюдает политкорректность. Но некоторые участники круглого стола и читатели усматривают в этом апологетику государства и оправдание его политики в соответствии с принципом – если целесообразно и функционально, значит, хорошо и правильно. Например, функционалистское объяснение происхождения и существования крепостного права воспринимается как апологетика крепостничества. Приводимые данные о большей эффективности труда крепостных сравнительно со свободными крестьянами в XVIII – первой половине XIX в. интерпретируются как несостоятельные попытки доказать преимущества принудительного труда над свободным или хуже того – преимущества рабства над свободой. Успехи пореформенной России или лидерство верховной власти в деле модернизации трактуется как прославление самодержавия. Вывод об отсутствии так называемых объективных предпосылок революций 1905 и 1917 гг. и об огромной роли пиара и информационных войн в происхождении революций оценивается как осуждение либеральных идей, интеллигенции, демократии, общественных движений и политических преобразований. Рациональные объяснения возникновения и работы институтов, ставших впоследствии тормозом общественного развития, якобы снимают основания для осуждений и дают аргументы для их оправдания. По словам А.Б. Лярского, «как Н.М. Карамзин в свое время был обвинен в восхвалении “прелестей кнута”, так и Б.Н. Миронов записан некоторыми критиками в ряды тех, кто оправдывает любые государственные деяния вопреки исторической очевидности». Но функционально – целесообразно и хорошо – правильно – это разные ракурсы на проблему: в первом случае объясняется, почему происходит, а во втором даются этические оценки. Например, благодаря абстрагированию от этической оценки работы государственной машины, создается реальная возможность понять, почему она действовала в одних случаях так, в других по-другому и каковы были мотивы ее механиков.

Таким образом, при ближайшем рассмотрении оказывается, что «государственно-апологетический» подход заключается в том, что Б.Н. Миронов объясняет политику верховной власти и ее правительства путем анализа ее мотивации, обстоятельств и условий ее выработки и проведения, не замалчивая при этом ее негативных последствий, ошибок и издержек. Исторический оптимизм автора состоит в том, что, по его убеждению, очередные преобразования обязательно проводятся тогда, когда для них приходит время. Это не значит, что реформы не надо готовить. Это означает, что преобразования не нужно насильственно форсировать; их целесообразно проводить системно, последовательно,

постепенно и терпеливо. На фоне того негатива, который господствовал и до сих пор преобладает в историографии в отношении имперской истории, объяснения, свидетельствующие о прагматизме правительственной политики и ее успехах, кажутся кому-то преувеличением достижений, кому-то чрезмерным оптимизмом, а некоторым даже фальсификацией. Следует согласиться с Б.Н. Мироновым, что целесообразно дифференцировать моральные и научные оценки, что оценивать правительственную политику надо согласно критериям и практикам соответствующей эпохи. И тогда оказывается: российская бюрократия не была столь примитивной, как обычно изображается; она действовала прагматично и достаточно рационально: беспокоилась о благе народа *в соответствии с теми представлениями о народном благополучии, которые разделяли люди того времени, и использовала те способы достижения народного блага, которые считались уместными и правильными.*

Скептики не привели серьезных аргументов ни методологического, ни содержательного плана против оптимистической концепции истории имперской России (что говорит о ее объективности!) – только страхи и опасения, что на смену монополии негативной парадигмы придет монополия позитивной парадигмы. Однако в обсуждаемой книге нет для этого никаких предпосылок. В методологическом отношении автор предлагает плюрализм и признает ценность всех концепций и теорий, следовательно, выступает против монополии любой методологии и теории. На протяжении всей книги он ведет аргументированную академическую полемику с коллегами по всему спектру проблематики имперской истории, давая пример другим, как нужно защищать свою, оригинальную точку зрения. Поэтому если рассматривать «Российскую империю...» как образец, которому будут подражать, то книга не только не дает никаких оснований для беспокойства относительно возможности реставрации советского стиля работы историков, но, наоборот, дает пример независимого свободного исследования. Трехтомник, как уверены участники круглого стола, будет стимулировать творческую активность историков.

«...Эта книга с учетом ее принципиальной полидисциплинарности, уникального богатства проблематики и подходов, новизны многих исследовательских моделей и результатов станет на долгие годы для всей социально-гуманитарной научной среды важным “социальным институтом” – широким пространством коммуникации, споров, обсуждений, выдвижения гипотез и формирования новых интерпретаций российской истории имперского периода, сложного пути от “традиции к модерну”» (И.И. Верняев).

«Колоссальный труд Б.Н. Миронова очень много дает нашей (да, наверное, и мировой) исторической науке, поскольку расширяет горизонты видения прошлого и настоящего, ставит важные и острые проблемы, ранее не замечаемые или замалчиваемые, обогащает методологию исторического познания» (В.Г. Хорос).

Автор «ставит не точки, а многоточия и, чуждый околонучной мании величия, открытый для конструктивной дискуссии, приглашает идти по проложенной им дороге вслед за ним, вместе с ним, дальше него. Как говорится: “Feci quod potui, faciant meliora potentes”» (С.В. Куликов).

«Наша большая удача заключается в том, что мы являемся современниками и читателями этой работы; опираясь на нее, мы можем строить собственные реконструкции, не обязательно совпадающие с выводами Б.Н. Миронова. В этом и заключается коллективная суть научной работы в области истории» (А.Б. Лярский).

«Я считаю “Российскую империю...” замечательным достижением историографии – амбициозным (надо полагать, не в традиционно русском, а в американском смысле. – А. Ч.), глубоким, эрудированным, ослепляющим богатством использованных источников и числом рассмотренных проблем произведением мастера. <...> Если бы мне нужно было описать исследование одним словом, я назвал бы его “мироновским” (“Mironovian”), под которым я имею в виду исследование смелое, всестороннее, крупное по своим масштабам и информационной базе, страстное и творчески нетрадиционное по способу, которым объединяются статистические и нарративные свидетельства, исторические аргументы и социальный комментарий» (У. Сандерленд).

Если говорить о содержательных итогах дискуссии, можно констатировать *наличие большого консенсуса* между ее участниками, которые согласились, что Россия – нормальная мировая держава, вектор ее развития европейский, ее достижения и успехи на уровне имперской модернизации в историографии несомненны, но недооценены и часто вообще замалчиваются, что автору удалось объективно и убедительно реконструировать главные

модернизационные тенденции в истории страны, дискредитировать расхожие представления и устойчивые негативные мифы и создать объективно-позитивный образ России. При этом «Российская империя...» не содержит ни фальсификаций, ни упрощенно позитивных или негативных оценок и выводов. Консенсус свидетельствует о том, что в *отечественной историографии сформировалась новая объективно-позитивная парадигма истории имперской России*. О ее значении хорошо сказала Л.Н. Мазур: «Положительная оценка результатов имперской модернизации, невзирая на все ее издержки, сегодня как никогда востребована обществом и на быденном, и на управленческом уровне. Поэтому позиция и идеи Б.Н. Миронова должны найти широкую поддержку, особенно среди учителей, перед которыми остро стоит задача воспитания патриотизма в подрастающем поколении». В современной отечественной историографии и учебной литературе наблюдается отчетливая тенденция к формированию позитивной идентичности российской нации (Филиппова, 2009: 84–85; Филиппова, 2013: 913).

Некоторым историкам, воображающим себя свободными от идеологии и человеческих страстей, хотя на самом деле таких не бывает (Миронов, 2013: 11–15), задача патриотического воспитания представляется чуждым для них делом. Но в западной историографии, на которую часто ориентируются как на образец для подражания, воспитание ответственного гражданина, т. е. патриота, представляется совершенно необходимым. «Воспитание историей – давний инструмент в арсенале социальной инженерии, – констатирует акад. В.А. Тишков. – Когда в 1980 г. я собирал в США материал для своей книги о месте и роли истории как науки и учебной дисциплины в американском обществе, я спросил одного из тогдашних лидеров американской историографии, в чем цель преподавания истории в США, и получил краткий, но запоминающийся ответ: воспитать ответственного гражданина. Сейчас в той же самой Америке и в других странах распространено мнение, что воспитание гражданской идентичности в значительной мере берет на себя так называемое *образование наследием* (heritage education), которое осуществляется через многочисленные музейные экспозиции, памятные места и экскурсии, а также через общественную среду в целом, включая семейное воспитание» (Тишков, 2011: 36). Однако от самой задачи воспитания ответственного гражданина не отказались.

Участники круглого стола предсказывают книге успех у читателя и интерес со стороны профессионального сообщества по следующим причинам, которые удачно резюмировала И.В. Поткина.

1. Острая актуальность книги, посвященной одной из самых актуальных и дискуссионных тем российской истории – анализу сходства и различия в процессе исторической эволюции России и стран Западной Европы от традиции к модерну.

2. Большая потребность в трудах обобщающего и объективно-позитивистского характера.

3. Острый полемизм.

4. Свободное владение отечественной и зарубежной историографией, вдумчивый подход к изучению трудов предшественников, включая своих оппонентов; активное использование результатов, полученных коллегами, несмотря даже на принципиальные разногласия со взглядами автора.

5. Введение в оборот ранее не использовавшихся массовых источников и новая интерпретация известных.

6. Повышенное внимание к проблемам идейно-теоретического осмысления истории, демонстрация целесообразности методологического плюрализма и междисциплинарности.

7. Ясный, понятный, научно-популярный стиль изложения без ущерба для научности и академичности.

8. Исторический оптимизм.

Время проверит наши прогнозы.

Литература

Миронов, 2013 – Миронов Б.Н. Страсти по революции: Нравы в российской историографии в век информации. М.: Весь мир, 2013. 336 с.

Миронов, 2014 – Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 1. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2014. 896 с.

Миронов, 2015а – Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 2. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2015. 912 с.

- Миронов, 2015b** – *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 3. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2015. 992 с.
- Репина, 2011** – *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: Социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 560 с.
- Рюде, 1984** – *Рюде Д.* Народные низы в истории, 1730–1848. М.: Прогресс, 1984. 320 с.
- Тишков, 2011** – *Тишков В.А.* Новая историческая культура. М.: Изд-во Московского психолого-социального института, 2011. 60 с.
- Томпсон, 1996** – *Томпсон Э.П.* Плебейская культура и моральная экономия: Статьи из английской социальной истории XVIII и XIX вв. // История ментальностей, историческая антропология: Зарубежные исследования в обзорах и рефератах / И.М. Михина (сост.). М., 1996. С. 180–198.
- Филиппова, 2009** – *Филиппова Т.А.* Российская нация и ее история: перезагрузка смыслов // Национальные истории на постсоветском пространстве – II / Ф. Бобздорф, Г. Бордюгов (ред.). М.: АИРО-XXI, 2009. С. 84–85.
- Филиппова, 1913** – *Филиппова Т.А.* Курс на «позитивную идентичность»: О новейшей учебной литературе по истории // Между канунами: Исторические исследования в России за последние 25 лет / Г.А. Бордюгов (ред.). М.: АИРО-XXI, 2013. С. 943–961.
- Хильдермайер, 2002** – *Хильдермайер М.* Российский «долгий XIX век»: «особый путь» европейской модернизации? // *Ab Imperia*. 2002. № 1. С. 85–101.
- Хобсбаум, 1998** – *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 года. СПб.: Алетейя, 1998. 119 с.
- Хобсбаум, 1999a** – *Хобсбаум Э.* Век империи. 1875–1914. Ростов н/Д: Феникс, 1999. 512 с.
- Хобсбаум, 1999b** – *Хобсбаум Э.* Век капитала. 1848–1875. Ростов н/Д: Феникс, 1999. 480 с.
- Хобсбаум, 1999c** – *Хобсбаум Э.* Век революции. 1789–1848. Ростов н/Д: Феникс, 1999. 480 с.
- Хобсбаум, 2004** – *Хобсбаум Э.* Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век. 1914–1991. М.: Независимая газета, 2004. 632 с.
- Чубарьян, 2009** – *Чубарьян А.О.* XX век: взгляд историка. М.: Наука, 2009. 562 с.
- Hobsbawm, 1978** – *Hobsbawm E.* The Historians' Group of the Communist Party // *Rebels and Their Causes: Essays in Honor of A.L. Morton* / ed. M. Cornforth. London: Lawrence and Wishart, 1978. P. 21–48.
- Mironov, 1985** – *Mironov, Boris.* The Russian Peasant Commune after the Reform of the 1860s // *Slavic Review*. 1985. Vol. 44, nr 3. P. 438–467.
- Mironov, 1993** – *Mironov, Boris.* Bureaucratic or Self-Government: The Early Nineteenth Century Russian City // *Slavic Review*. 1993. Vol. 52, nr 2. Summer. P. 233–255.
- Mironov, 1999** – *Mironov, Boris.* New Approaches to Old Problems: The Well-Being of the Population of Russia from 1821 to 1910 as Measured by Physical Stature // *Slavic Review*. 1999. Vol. 58, nr 1. P. 1–26.
- Mironov, 2000a** – *Mironov, Boris.* The Social History of Imperial Russia, 1700–1917: 2 vols. Vol. 1. Boulder: Westview Press, 2000. 562 p.
- Mironov, 2000b** – *Mironov, Boris.* The Social History of Imperial Russia, 1700–1917: 2 vols. Vol. 2. Boulder: Westview Press, 2000. 398 p.
- Mironov, 2012** – *Mironov, Boris.* The Standard of Living and Revolutions in Russia, 1700–1917. London; New York: Routledge, Taylor and Francis Group, 2012. 668 p.

References

- Chubar'yan, 2009** – *Chubar'yan A.O.* XX vek: vzglyad istorika [The twentieth century: the view of a historian]. Moscow: Nauka, 2009. 562 p. [in Russian].
- Filippova, 2009** – *Filippova T.A.* Rossiiskaya natsiya i ee istoriya: перезагрузка смыслов [The Russian nation and its history: a reboot of the meanings] // *Natsional'nye istorii na postsovetском prostranstve – II* [National historiographies in the post-soviet space – II] / F. Bobzdorf, G. Bordyugov (red.). Moscow: АИРО-XXI, 2009, pp. 84–85 [in Russian].
- Filippova, 2013** – *Filippova T.A.* Kurs na «pozitivnuyu identichnost'»: O noveishei uchebnoy literature po istorii [The policy of “positive identity”: On the latest academic literature on the historiography] // *Mezhdu kanunami: Istoricheskie issledovaniya v Rossii za poslednie 25 let*

- [Between the eves: Historical researches in Russia over the past 25 years] / G.A. Bordyugov (red.). Moscow: AIRO-XXI, 2013, pp. 943–961 [in Russian].
- Hobsbawm, 1978** – *Hobsbawm E.* The Historians' Group of the Communist Party // *Rebels and Their Causes: Essays in Honor of A.L. Morton* / ed. M. Cornforth. London: Lawrence and Wishart, 1978, pp. 21–48.
- Khil'dermaier, 2002** – *Khil'dermaier M.* Rossiiskii «dolgii XIX vek»: osobyi put'» evropeiskoi modernizatsii? [Russian “long nineteenth century”: “a special way” of European modernization?] // *Ab Imperia*. 2002. Nr 1, pp. 85–101 [in Russian].
- Khobsbaum, 1998** – *Khobsbaum E.* Natsii i natsionalizm posle 1780 goda [Nations and nationalism since 1780]. St. Petersburg: Aleteiya, 1998. 119 p. [in Russian].
- Khobsbaum, 1999a** – *Khobsbaum E.* Vek imperii. 1875–1914 [The age of the Empire. 1875–1914]. Rostov-na-Donu: Feniks, 1999. 512 p. [in Russian].
- Khobsbaum, 1999b** – *Khobsbaum E.* Vek kapitala. 1848–1875 [The age of capital. 1848–1875]. Rostov-na-Donu: Feniks, 1999. 480 p. [in Russian].
- Khobsbaum, 1999c** – *Khobsbaum E.* Vek revolyutsii. 1789–1848 [The age of revolution. 1789–1848]. Rostov-na-Donu: Feniks, 1999. 480 p. [in Russian].
- Khobsbaum, 2004** – *Khobsbaum E.* Epokha krainostei: Korotkii dvadtsatyi vek. 1914–1991 [The age of extremes: The short twentieth century. 1914–1991]. Moscow: Nezavisimaya gazeta [Publishing house “Independent newspaper”], 2004. 632 p. [in Russian].
- Mironov, 1985** – *Mironov, Boris.* The Russian Peasant Commune after the Reform of the 1860s // *Slavic Review*. 1985. Vol. 44, nr 3, pp. 438–467.
- Mironov, 1993** – *Mironov, Boris.* Bureaucratic or Self-Government: The Early Nineteenth Century Russian City // *Slavic Review*. 1993. Vol. 52, nr 2. Summer, pp. 233–255.
- Mironov, 1999** – *Mironov, Boris.* New Approaches to Old Problems: The Well-Being of the Population of Russia from 1821 to 1910 as Measured by Physical Stature // *Slavic Review*. 1999. Vol. 58, nr 1, pp. 1–26.
- Mironov, 2000a** – *Mironov, Boris.* The Social History of Imperial Russia, 1700–1917: 2 vols. Vol. 1. Boulder: Westview Press, 2000. 562 p.
- Mironov, 2000b** – *Mironov, Boris.* The Social History of Imperial Russia, 1700–1917: 2 vols. Vol. 2. Boulder: Westview Press, 2000. 398 p.
- Mironov, 2012** – *Mironov, Boris.* The Standard of Living and Revolutions in Russia, 1700–1917. London; New York: Routledge, Taylor and Francis Group, 2012. 668 p.
- Mironov, 2013** – *Mironov B.N.* Strasti po revolyutsii: Navy v rossiiskoi istoriografii v vek informatsii [The passion for the revolution: mores in the Russian historiography in the information age]. Moscow: Ves' mir, 2013. 336 p. [in Russian].
- Mironov, 2014** – *Mironov B.N.* Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu [Russian Empire: from tradition to modernity]: 3 t. T. 1. St. Petersburg: DMITRII BULANIN, 2014. 896 p. [in Russian].
- Mironov, 2015a** – *Mironov B.N.* Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu [Russian Empire: from tradition to modernity]: 3 t. T. 2. St. Petersburg: DMITRII BULANIN, 2015. 912 p. [in Russian].
- Mironov, 2015b** – *Mironov B.N.* Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu [Russian Empire: from tradition to modernity]: 3 t. T. 3. St. Petersburg: DMITRII BULANIN, 2015. 996 p. [in Russian].
- Repina, 2011** – *Repina L.P.* Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: Sotsial'nye teorii i istoriograficheskaya praktika [Historical science at the turn of the 20–21th centuries: Social theories and historiographical practice]. Moscow: Krug, 2011. 560 p. [in Russian].
- Ryude, 1984** – *Ryude D.* Narodnye nizy v istorii, 1730–1848 [People's bottoms in history, 1730–1848]. Moscow: Progress, 1984. 320 p. [in Russian].
- Tishkov, 2011** – *Tishkov V.A.* Novaya istoricheskaya kul'tura [A new historical culture]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo psikhologo-sotsial'nogo instituta [Publishing house of Moscow psychological-social Institute], 2011. 60 p. [in Russian].
- Tompson, 1996** – *Tompson E.P.* Plebeiskaya kul'tura i moral'naya ekonomiya: Stat'i iz angliiskoi sotsial'noi istorii XVIII i XIX vv. [Plebeian culture and moral economy: Article of the English social history of the 18th and 19th centuries] // *Istoriya mental'nostei, istoricheskaya antropologiya: Zarubezhnye issledovaniya v obzorakh i referatakh* [The history of mentalities, historical anthropology: Foreign researches in reviews and abstracts] / E.M. Mikhina (sost.). Moscow: IVI RAN, 1996, pp. 180–198 [in Russian].

УДК 94(47)

Очерки исторического оптимизмаАлександр Арвелодович Черкасов^{а, *}^аМеждународный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, главный редактор российского исторического журнала «Былые годы», Российская Федерация

Аннотация. В статье подводятся итоги дискуссии, развернувшейся на круглом столе по трехтомнику Б.Н. Миронова «Российская империя: от традиции к модерну». Автор отмечает, что эксперты одобрили обобщающий характер исследования, острый академический полемизм и актуальность; подчеркнули масштабность проделанной работы, энциклопедический характер исследования по теоретическому, фактографическому, источниковедческому и историографическому охвату материала. По мнению А.А. Черкасова, круглый стол со всей очевидностью продемонстрировал, что марксистский подход потерял не только монополию и популярность, но и доверие у большинства исследователей. Цивилизационная концепция вызвала заметный скепсис. Теория модернизации получила всеобщее признание участников дискуссии. Они единодушно оценивают ее как прагматичную и работоспособную, считают, что ее применение является трендом в современной отечественной историографии и отмечают актуальность, востребованность, адекватность и мотивированность ее выбора российским историческим сообществом в качестве объяснительной модели национальной истории.

А.А. Черкасов констатирует наличие большого консенсуса между участниками дискуссии. Они единодушно согласились с тем, что Россия – нормальная мировая держава, вектор ее развития европейский, ее достижения и успехи на ниве имперской модернизации в историографии несомненны, но недооценены и часто вообще замалчиваются. Дискуссанты признали, что Б.Н. Миронову удалось объективно и убедительно реконструировать главные модернизационные тенденции в истории страны, дискредитировать устойчивые негативные мифы и создать объективно-позитивный образ России. При этом «Российская империя...» не содержит ни фальсификаций, ни упрощенно позитивных или негативных оценок и выводов. Консенсус свидетельствует о том, что в отечественной историографии сформировалась новая объективно-позитивная парадигма истории имперской России.

Ключевые слова: круглый стол; современная российская историография; особенности российской модернизации; образ России; новая парадигма российской истории; исторический оптимизм; падение влияния марксистской концепции; поликонцептуальный подход; методология исследования; клиотерапия.

^{*} Корреспондирующий авторАдреса электронной почты: sochio03@rambler.ru (А.А. Черкасов)